

П. Б. СТРУВЕ.

„НЕИЗЪЯСНИМЫЙ“ И „НЕПОСТИЖНЫЙ“.

ИЗЪ ЭТЮДОВЪ О ПУШКИНЪ И ПУШКИНСКОМЪ СЛОВАРЬ.

Памяти моего сына Льва † 3/16 января 1929 г.

I.

Пушкинъ ясенъ во всемъ многообразномъ смыслѣ этого прекраснаго русскаго слова. Онъ — ясный день и онъ — ясный соколъ. Онъ живой и могучій образъ творческой гармоніи и ясности, онъ — красота и мѣра. Пророчески-ободрительно и въ то же время на всѣхъ дѣятелей русской культуры налагаетъ величайшую отвѣтственность, что въ началѣ русской подлинно національной, самобытной литературы стоитъ этотъ спокойный великанъ ясной и мѣрной красоты.¹⁾

А въ то же время какое было любимое понятіе и слово у яснаго Пушкина? ²⁾

Для Пушкина „небо блещетъ неизъяснимой синевою“.³⁾ Значитъ, для него и въ глубинѣ спокойной и ясной небесной тверди есть что-то, при всей яркости и блескѣ, неизъяснимое, таинственное. Но и въ глубинахъ человѣческой души, съ ея смятеніями и волненіями, скрываются для взора поэта тѣ же неизъяснимыя, таинственныя вещи:

„Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья —
Безсмертья, можетъ быть, залогъ.
И счастливъ тотъ, кто средь волненья
Ихъ обрѣтаетъ и вѣдать могъ.
Итакъ — хвала тебѣ, чума!

(„Пиръ во время чумы“ 1830 г.)

¹⁾ Я пользуюсь здѣсь и ниже нѣкоторыми мыслями, выраженіями и примѣрами изъ своей рѣчи „Русская наука въ исторіи русской культуры“, произнесенной въ 1921 г. на первомъ пражскомъ съѣздѣ русскихъ ученыхъ и напечатанной въ „Возрожденіи“ отъ 7-го іюня 1926 г., и изъ своихъ „Замѣтокъ писателя: 3. Русскій языкъ. — Очистители и засорители“ („Возрожденіе“ отъ 29 Апрѣля 1926 г.). Ср. также статью „Именемъ Пушкина“ въ „Возрожденіи“ отъ 7 іюня 1926 г.

²⁾ Интересно было бы прослѣдить употребленіе слова „ясный“ у Пушкина. Но объ этомъ въ другой разъ и въ другомъ мѣстѣ.

³⁾ „Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ
Неизъяснимой синевою,
Гдѣ море теплою волной
Вокругъ развалинъ тихо плещетъ“... (1827 г.)

Или :

„Оставиль я людское стадо наше,
Дабы стеречь вашъ (боговъ П. С.) огонь уединенный,
Бесѣдуя одинъ съ самимъ собой...
Часы неизъяснимыхъ наслажденій!
Они даютъ намъ знать сердечну глубь,
Въ могуществѣ и въ немощахъ сердечныхъ
Они любить, лелѣять научаютъ
Не смертныя, таинственныя чувства,
И насъ они наукѣ первой учать —
Чтить самого себя“. (Набросокъ 1829 г.)

Въ свое время я уже указалъ, что едва ли не Карамзинъ укоренилъ въ русскомъ литературномъ языкѣ это любимое пушкинское слово „неизъяснимый“, мистически характерное для величайшаго русскаго гения. Изъ Карамзина я приведу одинъ только поздній примѣръ. О побѣжденныхъ русскимъ упорствомъ и русской зимой французахъ Карамзинъ пишетъ :

„Какъ въ безднахъ темной Адской сѣни
Толплятся осужденныхъ тѣни,
Подъ свистомъ лютыхъ Эвменидъ:
Такъ сонмы сихъ непобѣдимыхъ,
Едва имѣя жизни видъ,
Въ страданіяхъ неизъяснимыхъ
Скитаются среди льсовъ;
Имъ пища ледъ, имъ снѣгъ покровъ.“¹⁾ (1814 г.)

Но первый авторъ, у котораго я встрѣтилъ слово „неизъяснимый“, — Державинъ. Въ его знаменитой одѣ „Богъ“ есть стихъ :

„Неизъяснимый, непостижный“.

Тутъ рядомъ два прекрасныхъ русскихъ реченія, которыя мы привыкли связывать съ Пушкинымъ.

II.

Остановимся пока на первомъ изъ этихъ реченій.

Слово „неизъяснимый“ есть не столько переводъ, сколько передача французскаго ineffable, которое въ свою очередь есть уже переводъ греческаго ἀόρητος.²⁾

Французскій языкъ слово ineffable заимствовалъ (или удержалъ) изъ поздней латыни и, въ частности и въ точности, изъ языка Блажен-

¹⁾ „Освобожденіе Европы и Слава Александра I“. Въ Смирдинскомъ изданіи т. I, СПб. 1848 г., стр. 238—254. Едва ли не послѣднее стихотвореніе Карамзина. „Непобѣдимыхъ“ подчеркнута въ оригиналѣ; „неизъяснимыхъ“ — мною П. С.

²⁾ Словамъ ἀόρητος, resp. ἀνεκλάλητος, какъ и ineffabilis, собственно соотвѣтствуютъ славяно-русскія реченія „неизречен(ный)“ и „неизглаголан(ный)“. Ср. Словари Востокова и Миклошича. У этихъ словъ, кромѣ первичнаго и буквальнаго, есть вторичное, такъ сказать, углубленное значеніе, указующее на таинственность, мистичность. Такія же два значенія прикрѣпились, во всякомъ случаѣ со временъ Пушкина, и къ эпитету „неизъяснимый“.

наго Августина и церковнаго поэта Пруденція.¹⁾ А отъ Августина и Пруденція его заимствовала вся средневѣковая латинская литература, и въ особенности та, къ которой прилагается наименование „схоластической“, эта подлинная сокровищница и мастерская самыхъ сильныхъ и самыхъ поэтическихъ реченій, которыми располагаетъ челоѣчество.

И вотъ что примѣчательно: державинскіе эпитеты Бога: „неизъяснимый, непостижный“, именно въ этомъ сочетаніи одного рядомъ съ другимъ, мы находимъ не у кого иного, какъ у Декарта, который сказалъ: „Dieu est ineffable parcequ'incomprehensible.“²⁾ Декартовское же словосочетаніе надлежитъ возвести къ словоупотребленію схоластическому и святоотеческому, въ свою очередь опирающемуся на понятія и выраженія греческой философской литературы.³⁾

Но уже послѣ того, какъ я ознакомился съ сопоставленіями „Схоластико-картезіанскаго Указателя“ Жильсона, мнѣ удалось установить, что декартовская формула уже на французскомъ языкѣ была предвосхищена Жаномъ Антуаномъ де Баифомъ (de Baïf), однимъ изъ „Плеяды“, умершимъ за семь лѣтъ до рожденія Декарта:

Dieu donques est Dieu l'ineffable
Dieu que nul mortel ne conçoit⁴⁾

Формулировка Декарта, можетъ быть, является прямой „реминисценціей“ изъ де-Баифа, и весьма возможно, что такую же „реминисценцію“ мы находимъ и у Державина. Правда, въ эпоху, когда развивался и дѣйствовалъ Державинъ, французская поэзія XVI вѣка, съ Ронсаромъ во главѣ, и въ самой Франціи находилась въ незаслуженномъ забвеніи (и это продолжалось до Пушкина и отразилось на немъ, см. его отзывъ о Ронсарѣ), но вѣдь французскіе поэты-гуманисты XVI вѣка были не только поэтами своего народа и вѣка, но и выразителями цѣлой культурной эпохи, основной капиталъ которой, изученіе и воспріятіе эллинско-римской культуры во всемъ ея объемѣ,⁵⁾ въ извѣстной мѣрѣ пере-

¹⁾ Впрочемъ, впервые это слово встрѣчается, кажется, у Плинія Старшаго.

²⁾ По изданію Adam et Tannery, t. III., p. 284.

³⁾ Этьенъ Жильсонъ (Gilson) въ своемъ Index scolastico-cartésien Paris, 1913, гдѣ этотъ первостепенный знатокъ средневѣковой философіи, обращаясь къ книгамъ бібліотеки коллежа La Flèche, въ которомъ учился Декартъ, систематически прослѣживаетъ его словесныя и идейныя заимствованія у схоластиковъ, отсылаетъ (l. c. p. 146) тутъ къ Suarez Met. disp. 30, 13, 1: non solum sancti patres (quod in eis est frequentissimum), sed etiam philosophi hanc excellentiam Deo tribuerunt esse scilicet ineffabilem. Далѣе у Суареца слѣдуютъ ссылки на Платона, цитируемаго св. Григоріемъ Назіанзиномъ, и на Гермеса Трисмегиста, цитируемаго св. Кирилломъ Александрійскимъ.

⁴⁾ Mimes, f 39 r, ed. 1597, цитировано у Frédéric Godefroy. Dictionnaire de l'ancienne langue française. Tome X (Complement), Paris 1902, sub voce. Ж. А. де-Баифъ (1522—1589) — незаконный сынъ Лазаря де-Баифа, дипломата и гуманиста (род. 1496? † 1547), ученика Іоанна Ласкариса. Де-Баифъ-сынъ былъ моложе Ронсара, но раньше его погрузился въ греческую учебу у гуманиста Dorat (Auratus. † 1588), который сдѣлался учителемъ и Ронсара. Ср. о гуманизмѣ „Плеяды“ и объ отношеніяхъ на этой почвѣ Ронсара и де Баифа у Pierre de Nolhac, Ronsard et l'humanisme. Paris 1921.

⁵⁾ Ж. А. де-Баифъ писалъ стихи не только французскіе, но латинскіе и даже

шель по наслѣдству къ XVII-ому вѣку съ т. н. „ложнымъ классицизмомъ“ и къ его преемнику, вѣку XVIII-му. Во всякомъ случаѣ, книжные источники и литературные образцы державинской оды „Богъ“ и всего его творчества подлежатъ еще систематическому обслѣдованію.

III.

Въ отличіе отъ эпитета „неизъяснимый“, „непостижный“ есть слово церковное и внесено въ русскую литературную рѣчь прямо изъ языка церковно-славянскаго (оно встрѣчается и теперь въ языкѣ богослуженія. Ср. древнѣйшія ссылки *sub vocibus* въ Словаряхъ Востокова и Миклошича, а также словари Памвы Берынды и Ѳедора Поликарпова).

У Пушкина въ стихотвореніяхъ это слово встрѣчается, кажется, одинъ разъ (въ прозѣ, кажется, вовсе не встрѣчается):

„Жиль на свѣтѣ рыцарь бѣдный,
Молчаливый и простой,
Съ виду сумрачный и блѣдный,
Духомъ смѣлый и прямой.
Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Непостижное уму —
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врѣзалось ему.“

(„Сцены изъ рыцарскихъ временъ“, 1836 г.)

Въ первоначальномъ, болѣе раннемъ наброскѣ этого стихотворенія соотвѣтствующія двѣ строчки имѣли, повидимому, такой видъ:

„Онъ имѣлъ одно видѣнье
Непонятное ему.“

Эпитетъ „непостижный“ встрѣчается намъ прежде всего у Тредьяковскаго.¹⁾ Къ началу 30-хъ годовъ относится изученіе Пушкинымъ Тредьяковскаго по собственному пушкинскому экземпляру изданія его стихотвореній 1752 г. Весьма возможно, что именно это свѣжее изученіе Тредьяковскаго натолкнуло взоръ и слухъ такого любителя и мастера выразительнаго слова, какъ Пушкинъ, на эпитетъ „непостижный“. Съ точки зрѣнія исторіи литературнаго языка было бы вообще весьма поучительно сопоставить словарь Пушкина со словаремъ Тредьяковскаго, съ произведеніями котораго пристальное знакомство Пушкина въ пору его полной зрѣлости точно удостовѣрено. Правда, мы должны тотчасъ же замѣтить, что эпитетъ „непостижный“ мы находимъ не только у

греческіе, подъ конецъ своей жизни онъ разочаровался именно въ своемъ поэтическомъ творествѣ на французскомъ языкѣ и усиленно ударился въ писаніе латинскихъ стиховъ.

¹⁾ Въ одѣ XVI „Парафразисъ псалма 143: Благословень Господь Богъ мой“. „Сочиненія и переводы какъ стихами, такъ и прозою“, томъ II, СПб. 1752 г., стр. 97. Это произведеніе было впервые напечатано въ книжкѣ, изданной въ 1744 г. въ СПб.: „Три оды парафрастическія псалма 143, сочиненныя черезъ трехъ стихотворцевъ“ (Тредьяковскаго, Ломоносова и Сумарокова) и перепечатанной А. А. Куникомъ въ его „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Наукъ въ XVIII в.“ ч. II, СПб. 1865 г. Въ переложеніи псалма 143 только у Тредьяковскаго встрѣчается слово „непостижный“, какъ эпитетъ Бога.

Тредьяковскаго, но нѣсколько позже и у Ломоносова¹⁾; у послѣдняго встрѣчается, кромѣ того, и форма „непостижимый“ (въ надписи 1754 г. на раку Св. Димитрія Ростовскаго и тутъ именно—какъ эпитетъ Бога).

Такимъ образомъ, въ нашихъ двухъ эпитетахъ словарь Пушкина явно восходитъ къ его отдаленнымъ предшественникамъ: къ Державину, Ломоносову и Тредьяковскому. Не будемъ здѣсь говорить объ отношеніи Пушкина къ Ломоносову и Державину; отмѣтимъ, что относительно высокая оцѣнка Пушкинымъ Тредьяковскаго, котораго и въ тѣ времена осмѣивали, да и теперь принято осмѣивать, не читая, навѣяна была Радищевымъ.²⁾ Но Пушкинъ пошелъ даже дальше Радищева, сказавъ, что „изученіе Тредьяковскаго приноситъ болѣе пользы, нежели изученіе прочихъ нашихъ старыхъ писателей“.³⁾ Съ этимъ можно не соглашаться: Пушкинъ былъ исторически неправъ въ отношеніи Сумарокова и его языка, но въ то же время нельзя не признать, что Тредьяковскій въ самомъ дѣлѣ былъ замѣчательнымъ явленіемъ въ исторіи русской образованности вообще и русскаго языка въ особенности. Въ частности, въ отношеніи словаря Тредьяковскій — и по интересу Пушкина къ этому словарю и по другимъ основаніямъ — заслуживаетъ самага тщательнаго историческаго изученія: какъ я покажу въ другомъ мѣстѣ, онъ является подлиннымъ творцомъ русской философской терминологіи, которая вовсе не была и въ пушкинское время столь молода, какъ думалъ самъ Пушкинъ, предлагая кн. П. А. Вяземскому занятіе работой надъ созданіемъ русскаго „метафизическаго“ языка,⁴⁾—въ исторіи его послѣ Тредьяковскаго надлежитъ отвести значительное мѣсто не кому иному, какъ Радищеву, въ особенности, какъ автору трактата „О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи“.

IV.

Для всякаго настоящаго художника, творца образовъ или творца мыслей, слово есть не внѣшнее орудіе, а носитель живого смысла. Оно полноѣсно и жизненно.

¹⁾ Переложеніе псалма 145: „Блаженъ.., кто себя вручаетъ Всевышнему... и въ помощь призываетъ живущаго на небесахъ, несчетно многими звѣздами наполнившаго высоту и непостижными дѣлами земли и моря широту“ (цит. по „Сочиненіямъ М. В. Ломоносова въ стихахъ“. Изданіе А. Ф. Маркса, подъ редакціей Арс. И. Введенскаго, СПб. 1893 г., стр. 21). Первоначально появилось это переложеніе въ „Риторикѣ“ Ломоносова, изд. 1748 г.

²⁾ Говоря, что „въ Тилимахидѣ находится много хорошихъ стиховъ и счастливыхъ оборотовъ. Радищевъ написалъ о нихъ цѣлую статью“ („Мысли на дорогѣ“ 1833—1834 гг., тамъ же весьма отрицательное сужденіе о Ломоносовѣ какъ поэтѣ), Пушкинъ имѣетъ въ виду „Памятникъ дактилохореическому витязю“ и т. д., перепечатанный теперь въ изданіи В. М. Саблина, подъ редакціей В. В. Каллаша, т. II, Москва 1907 г., стр. 393 и сл.

³⁾ Объ отношеніи Пушкина къ Тредьяковскому примѣчаніе Б. Л. Модзалевскаго къ письму № 265 въ его собраніи „Писемъ“ Пушкина, т. II. (СПб. 1928 г.), стр. 274.

⁴⁾ См. письмо отъ 1-го сентября 1822 г.: „образуй нашъ метафизическій языкъ, зарожденный въ твоихъ письмахъ“. Ср. письмо отъ 13-го іюня 1825 года и примѣчаніе къ этому письму Б. Л. Модзалевскаго.

Такъ и у Пушкина. Реченіе „неизъяснимый“¹⁾ исполнено у него глубокаго смысла. Можно даже сказать, что именно Пушкинъ придалъ этому русскому слову-понятію его углубленный, всеобъемлюще-мистическій смыслъ. Изъ отрицательнаго эпитета (Бога), т. е. изъ богословскаго термина и изъ неопредѣленно-чувствительнаго опредѣленія, Пушкинъ превратилъ его въ слово, обозначающее какую-то предѣльную для яснаго человѣческаго познанія и разумнія таинственную черту и тѣмъ указующее на мистическую основу бытія, какъ таковаго.

Тутъ на этомъ примѣрѣ видно, какъ изученіе словаря писателя приводитъ не только къ установленію смысла отдѣльныхъ употребляемыхъ имъ словъ, но и къ истолкованію существенныхъ мотивовъ его творчества. Сдержанное и стыдливое, далекое отъ всякой сентиментальности, признаніе таинственности всякаго и всего бытія, есть столь же основная и могущественная стихія пушкинскаго творчества, какъ и „классическая“ ясность его художественнаго воспріятія и строгая четкость его художественныхъ образовъ. Болѣе того, обѣ эти стихіи въ Пушкинѣ со-относительны и со-размѣрны. Чѣмъ яснѣе и отчетливѣе видитъ, чѣмъ красочнѣе пишетъ, чѣмъ выпуклѣе лѣпитъ Пушкинъ, тѣмъ болѣе близко и болѣе властно подводитъ онъ насъ къ чертѣ, за которой лежитъ неизъяснимое и начинается тайна.

Пушкинъ, поэтомъ, не классикъ и не романтикъ въ общепринятыхъ смыслахъ этихъ обозначеній. Рисунокъ Пушкина точенъ, его лѣпка строга и выразительна — безъ холодности „классицизма“. Его краски ярки, его фантазія богата, его чувствительность²⁾ (если это слово примѣнимо къ Пушкину) мужественна — онъ свободенъ отъ узорочной пестроты, отъ кричащихъ красокъ, отъ чрезмѣрности и разслабленности современнаго ему „романтизма“.

Пушкинъ заодно пластиченъ и мистиченъ.

Онъ заодно ясенъ и неизъяснимъ.

Бѣлградъ, Апрѣль 1929 г.

---

¹⁾ Интересно было бы прослѣдить употребленіе этого слова у другихъ писателей, въ стихахъ и прозѣ, послѣ Державина и Карамзина, въ особенности у Жуковскаго и Батюшкова. Но здѣсь мы этимъ не будемъ заниматься. Отмѣтимъ только, что ближайшій другъ Пушкина и превосходный стилистъ П. А. Плетневъ говоритъ въ 1825 г. о „неизъяснимомъ“ простодушій Хемницера и о „неизъяснимой“ прелести „Кавказскаго Плѣнника“ (Пушкина) — въ томъ замѣчательномъ „письмѣ къ графинѣ С. И. С. о русскихъ поэтахъ“, которое, едва ли не первое въ печати, отдаетъ должное гению и историческому значенію Пушкина (напечатано въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ за 1825 г., собранныхъ барономъ Дельвигомъ, изданныхъ Иваномъ Сленинымъ, стр. 24 и 43).

²⁾ Именно этимъ словомъ Плетневъ характеризуетъ Пушкина въ выше упомянутой статьѣ-письмѣ 1825 г. Ср. также полемику въ томъ же году между кн. П. А. Вяземскимъ, въ „Московскомъ Телеграфѣ“, и авторомъ „Писемъ на Кавказъ“, въ „Сынѣ Отечества“, о чувствительности Жуковскаго и Пушкина. Ср. Б. Л. Модзалевскій въ примѣчаніи къ письму № 144 въ его собраніи „Писемъ“ Пушкина, т. I, СПб. 1926 г., стр. 436.

РУССКІЙ ИНСТИТУТЪ ВЪ ПРАГѢ

**ПУШКИНСКІЙ
СБОРНИКЪ**

1929

ТИПОГРАФІЯ „ПОЛИТИКА“, ПРАГА